

Александр Александрович Блок

Тема Родины в поэме
Блока «Двенадцать»



В дни Октября. Великий Октябрь открыл перед Блоком новые горизонты. Современники свидетельствуют, что события 25 октября (7 ноября) он встретил радостно, с новой верой в очистительную силу революции.

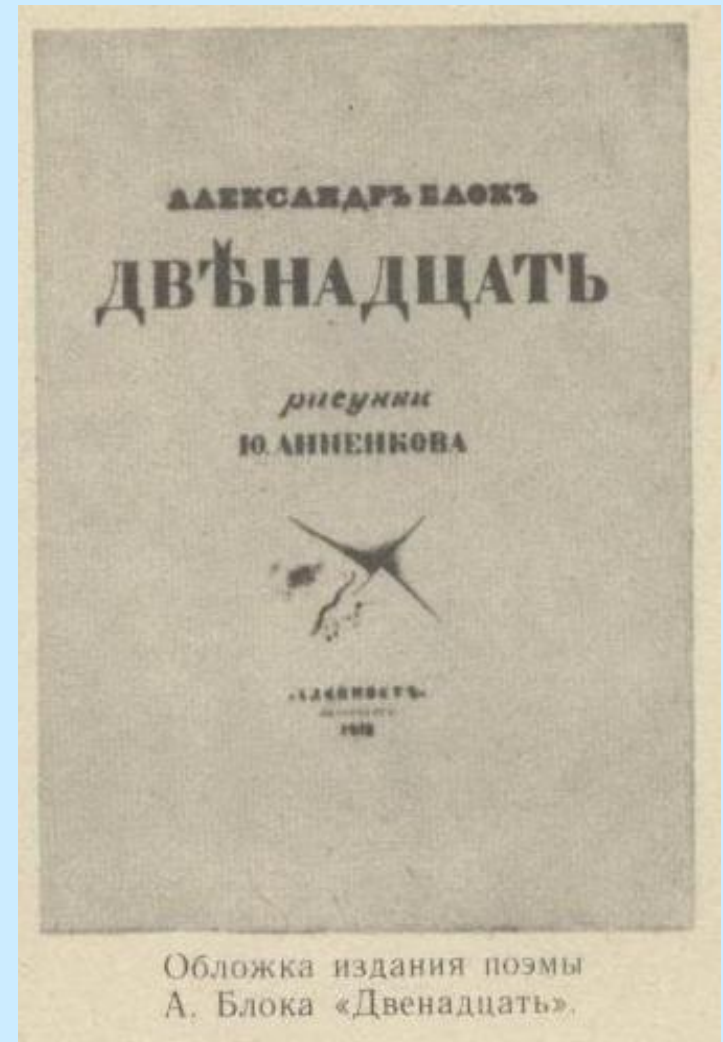
В 1917 году для него «содержанием всей жизни становится всемирная Революция, во главе которой стоит Россия». Блок увлечен пафосом коллективизма: «Революция — это: я — не один, а мы. Реакция — одиночество, бездарность...» — заносит он в дневник в начале 1918 года. Тогда же Блок решительно призывает к сотрудничеству с большевиками, категорически отвечая на вопрос одной газеты: «Может ли интеллигенция работать с большевиками?» — «Может и обязана... Интеллигенция всегда была революционна. Декреты большевиков — это символы интеллигенции».

Летом 1917 года Блок присутствует на первом съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. Осенью участвует в совещании представителей литературно-художественной интеллигенции, созванном в Смольном по инициативе ВЦИК. В 1918 году работает в комиссии по изданию классиков, в коллегии издательства «Всемирная литература», созданного по предложению М. Горького, затем председателем режиссерского управления Большого драматического театра.

Творческий подъем, вызванный революцией, обусловил создание самого значительного произведения Блока — поэмы «Двенадцать».

«Революционный держите шаг!» Поэма «Двенадцать». Написанная в январе 1918 года,— это первая крупная послеоктябрьская поэма, в которой воплощена революционная современность.

Характерную особенность поэмы составляет органическое слияние реалистического и романтического начал. Само ее название нельзя не поставить в связь с легендой о двенадцати апостолах, учениках Христа, шедших за ним. Но образ двенадцати в поэме имеет и предельно реалистический источник: патрули красногвардейцев на улицах Петрограда действительно насчитывали по двенадцать человек.



В произведении немало конкретных деталей, воссоздающих быт того времени: «керенки» — бумажные деньги, выпущенные Временным правительством; фонарик на оглоблях, которым щеголяли петербургские извозчики; модные в ту пору гетры. Однако Блока интересует быт не сам по себе: его привлекает такой реализм, который, по определению М. Горького, «возвышается до одухотворенного и глубоко продуманного символа». Реалистические зарисовки составляют образную основу поэмы. Но с ними сочетается романтическая устремленность поэмы. Двуплановость образного строя «Двенадцати» ярко проявляется уже в первой строфе поэмы:

Черный вечер.

Белый снег.

Ветер, ветер!

«Вечер», «снег», «ветер» — это и конкретные образы петербургской ночи, и символы, выражающие противоборство стихии, за которым угадывается борьба революции с противостоящими ей силами. Отталкиваясь от конкретности, автор придает изображаемому «космический» размах: «ветер, ветер — на всем божьем свете!» Постоянный в творчестве Блока образ-символ снежной бури находит в «Двенадцати» развернутое воплощение. Действие поэмы развивается на фоне ветра, пурги: «завивает ветер белый снежок», «свищет ветер», «порхает снег», «разыгралась что-то вьюга», «пылит пурга». Символический образ ветра, властвующего над миром, в дальнейшем обновляется, развивается, он как бы комментирует происходящее: одних сбивает с ног, другим кажется «веселым», он «рвет, мнет» плакат про «Учредилку», зато, когда появляются красногвардейцы, он радостно «гуляет».

В основе произведения — конфликт, борьба старого и нового. Столкновение не может закончиться примирением — настолько полярны борющиеся силы. Их непримиримость подчеркнута резким контрастом «черного» и «белого». Автор конкретизирует содержание «черного вечера»: «буржуй на перекрестке», «нынче невеселый» поп, «барыня в каракуле». Образы эти социально определены, типичны, каждый из них так или иначе выражает неприятие революционных перемен: поп «сторонкой за сугроб», барыня «к другой подвернулась: — Уж мы плакали, плакали...» Особенно непримирим к новому давний недруг Блока — либеральный болтун. Он охарактеризован кратко и убийственно: «Длинные волосы и говорит вполголоса... Должно быть, писатель — вития». Старый мир исторически обречен. Его представители изображаются поэтом иронически.

Композиционно поэма разбита на двенадцать главок, последовательно развертывающих сюжет. Двенадцать — враги старого мира, но они сами вышли из него, сформировались в его недрах, не могут сразу избавиться от его «родимых пятен». Поэт символически передает это образом старого мира — «пса безродного», который не отстаёт от них, ковыляет позади. В них бушуют и темные страсти. Их охватывает пьянящее ощущение, что «все дозволено»: «Свобода, свобода, эх, эх, без креста!» Поначалу в их облике запечатлены черты не пролетарского авангарда, а анархиствующей вольницы. Автор не «приподнимает» своих героев, показывает грубость и стихийность буйной ватаги. Блок, однако, приветствует происходящее. Он благословляет очистительную силу огня революции и активность ее свершителей: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!»



Иллюстрация Ю. Анненкова к поэме
«Двенадцать».

В период работы над «Двенадцатью» Блок записывает в дневнике: «Вот что я еще понял: эту рабочую сторону большевизма... Крылья у народа есть, а в умениях и знаниях надо ему помочь».

Созидательная сила революции не получила в поэме прямого воплощения. Однако «рабочая сторона» выражена в самой логике развития произведения и его главных героев. Если они и не принадлежат к революционному авангарду, то борьба окрыляет и пробуждает их. В них просыпается чувство классового сознания и революционного долга. Историческая миссия очищает образы героев от всего случайного, мелочного. Смысл жизни они обретают благодаря революции, готовы за нее «буйну голову сложить». В конце поэмы видим уже не «голытьбу», а революционный народ, идущий в будущее «державным шагом». Таким образом, не только в пафосе разрушения, но и в пафосе революционного преобразования видит автор «Двенадцати» смысл разворачивающихся событий.

Ничто не может противостоять стихии народной революции. Но созидание сложнее разрушения. Нравственно-этический конфликт поэмы — столкновение добра и зла, будущего и прошлого — в самих людях. На авансцену истории вышли прежде обездоленные и униженные. Автор сочувствует им. Но каждый ли способен выдержать экзамен на звание нового человека? Автору чуждо «буржуиство» Ваньки. Тот изменил революционной стихии, изменил товарищам, людям труда. Ванька «сам теперь богат», он принадлежит к чуждому для Блока «страшному миру» купли-продажи. Красногвардейцы мстят не просто предателю Ваньке, но всему тому миру, который он представляет и частично олицетворяет. И поэт разделяет их осуждение отступничества Ваньки.

Блок всегда выступал за полноту человеческих чувств. Способность к любви, к самозабвенной страсти для него — признак человечности. Вот почему для автора «Двенадцати» чувство красногвардейца Петрухи не просто эпизод его жизни, а проявление его духовности, необходимой подлинной личности. К тому же Петруха не только способен на глубокое чувство, а и дорожит им, переживает измену, мстит за поруганную любовь. Петрухина «заплачка» в главе 8-й проясняет социальный смысл его мести и злобы: он ненавидит «буржуя», старый уклад жизни. Его душа продолжает метаться, его «заплачка» кончается возгласом: «Скучно!» Но личные страдания героев преодолеваются ими во имя общего движения вперед. Петруха присоединяется к товарищам — красногвардейцам. Они идут революционным дозором. Они подхватывают мотив «Варшавянки».



Поэма «Двенадцать» впервые в советской литературе показала всемирный размах революции. Но значение поэмы заключается еще и в том, что она в людях революции раскрыла личности с индивидуальными судьбами, живыми и сильными чувствами. Блок возвысил любовь простого человека, которому буржуазная литература отказывала в способности к сложным душевным переживаниям. В этом отношении поэма была новаторской среди произведений молодой советской литературы, которая, сосредоточивая внимание на изображении масс, еще не исследовала глубины индивидуальной психологии.

Поэма «Двенадцать» ознаменовала новый этап в творчестве Блока. Проблематика поэмы требовала обновления эстетического арсенала, качественно иной художественной выразительности. Автор задается целью передать «музыку революции». Он стремится найти новую форму, наиболее соответствующую содержанию поэмы. В нее врывается многоголосый шум революционного города со своими ритмами, звуками, своими песнями.

Известно, что в период написания поэмы Блок особенно интересовался городским фольклором, записывал услышанные голоса городских улиц. Здесь и обороты современного просторечья (даже брань), и традиционно-песенная лексика. Фамильярные слова и вульгаризмы («елекстриче-ский», «юнкерье», «ужо») определяют социальный колорит языка героев.

Строки из «Двенадцати» возвращались в народный речевой обиход: так глубоко проник поэт в его специфику. Многие формулы поэмы зазвучали как пословицы и поговорки: «Ветер, ветер — на всем божьем свете!», «От чего тебя упас золотой иконостас?» Лозунги поэмы можно было видеть на красноармейских знаменах, на плакатах и бронепоездах. «Двенадцать» — вершинное достижение Блока в освоении фольклора.

Блок стремился передать «музыку уличных слов и выражений». Звуки этой музыки он слышал во всем: «в страсти и в творчестве, в народном мятеже и в научном труде, в революции». Музыка революции передается в поэме не только стихией просторечья, которой насыщены сцены на петроградских мостовых. На смену «приземленности» приходит ораторский пафос.

Музыкальность поэмы выразительно передается ее ритмом. Стремительность и вместе с тем сложность движения вперед подчеркиваются ритмом импульсивным и трудным, словно сама поэма находится в движении, в постоянных переboях. Ритм стиха все время меняется, подчеркивая бурную переменчивость самой жизни, соответствуя изображаемому эпизоду. Когда, например, в поэму вступает отряд Двенадцати, ритм становится четким, маршевым. Смена ритма обуславливает необычайную динамику стиха. Благодаря энергии ритма «работает» буквально каждое слово: «Сила ритма поднимает слово на хребте музыкальной волны...» (Блок). Поэма «Двенадцать» в известной мере подготовила ритмику стихов Маяковского советского времени. Значение ритма в «Двенадцати» возрастает потому, что автор почти не пользуется цветовыми нюансами. В поэме господствуют два непримиримых цвета — черный и белый. Но зато их появление в каждом случае емко, символично. Символичен в поэме и красный цвет — цвет тревоги, мятежа, революционного флага.



Блок отвергает религию — его герои идут «без креста». Но во главе их поэту видится не кто иной, как Иисус Христос. Автор хотел в образе Христа воплотить символ нового мира, несущего человечеству нравственное очищение, вековые идеалы гуманизма. Блок проводил аналогию между эпохой распада царской России и эпохой гибели Рима, когда и возникла легенда о Христе как о провозвестнике новой всемирной религии. Именно таким провозвестником должен был выступить в поэме Христос — символ обновления жизни. Но для большинства реальных красногвардейцев Христос в действительности отождествлялся с религией и царизмом, против которых они боролись.

Блок сам ощущал недостаточную убедительность образа Христа в тексте «Двенадцати». Однако все же именно этим образом заключил он свое произведение. Внутреннюю закономерность этого можно понять, если оглянуться на предшествующее развитие поэта. Для него Христос был символом не смирения, а, наоборот, сопротивления властям (цикл «Родина»). В представлении Блока он воплощает в себе народные идеалы, прямо противопоставляется своим земным служителям. В поэме это выражено достаточно отчетливо: во главе красногвардейцев идет Христос, а «товарищ поп», уничтожается иронией поэта, как чуждое ему воплощение церковности. Интересно, что аналогичным является образ Иисуса и в поэме Есенина «Товарищ», написанной в 1917 году: он сходит с иконы бороться за народное дело.

Поэма «Двенадцать» передает пафос великой революции, которую народ ждал на протяжении веков. Благодаря своей социальной значимости и художественному совершенству поэма «Двенадцать» принадлежит к вершинам русской литературы, стоит в одном ряду с такими великими поэмами, как «Медный всадник» Пушкина, «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова. При этом новые исторические условия позволили Блоку внести существенно новое в осмысление роли народа. «Двенадцать» — первая крупная русская поэма, в которой народ выступает как творец истории.

Поэма «Двенадцать» воспринималась как гимн революции. Ее исполняли на литературных вечерах в революционном Петрограде, она была издана подпольно в тылу войск Колчака. За рубежом она была опубликована под названием «Большевистские песни».